
В. А. Кучкин

АНТИКЛОССИЦИЗМ*

Чтобы как-то приподнять историческое значение деятельности Сергия Радонежского, которое так и осталось нераскрытым при изложении его биографии, Б. М. Клосс посвящает целую главу введению общежития в Троице-Сергиевом монастыре и вытекающих из этого факта последствий. Уже само название главы: «Монастырская реформа на Руси: митрополит Алексий и Сергий Радонежский», предполагает, что речь пойдет о явлении общерусского масштаба, в котором одну из ключевых ролей сыграл основатель Троицкого монастыря. Как и некоторые его предшественники, Б. М. Клосс оценивает организацию общего (киновияльного) жития вместо особого (келиотского) жития в построенной Сергием обители как серьезную реформу, что возражений не вызывает. «Эта реформа, — пишет Б. М. Клосс, — связывается с посланием патриарха Филофея, убеждавшего Сергия в преимуществах общего жития перед особножительством. Филофей занимал патриарший престол дважды: в 1353–1354 и 1364–1376 г. Очевидно, что Сергий, поставленный в игумены в 1354 г. в момент отсутствия митрополита Алексия на Руси, не мог быть известен ни митрополиту Алексию, ни тем более патриарху Филофею. Следовательно, речь может идти только о втором патриаршестве Филофея, и мы получаем приблизительную хронологическую привязку для времени введения общежития в Троице-Сергиевом монастыре: 1364–1376 г.»¹ Данный пассаж содержит несколько неточностей. Во-первых, Сергий вполне мог быть известен Алексею еще до своего поставления в игумены как брат Стефана и как выходец пусть из обедневшей, но знатной фамилии. Во-вторых, игуменом Сергий стал не в 1354, а в 1353 г., и теоретически допустимо, что к лету 1354 г., когда Алексей еще находился в Константинополе, сообщение об этом новый митрополит всея Руси успел получить. Иное дело, зачем надо было специально писать об этом достаточно обыденном факте из Руси в Византию митрополиту. В-третьих, предельно поздний срок введения общежития в Троице-Сергиевом монастыре не может ограничиваться временем вторичного сведения Филофея с патриаршей кафедры. Посланники патриарха, если они были отправлены на Русь в последние недели или дни патриаршества Филофея, могли прибыть в Москву уже при его преемнике на патриаршем столе. Но в целом приведенное рассуждение Б. М. Клосса правильно. Надо только заметить, что оно повторяет доводы, изложенные в статье 1992 г. о Сергии Радонежском². Ссылка на статью, как обычно, у Б. М. Клосса отсутствует, а ссылка была бы вполне уместна, поскольку в литературе вопроса была высказана мысль совершенно иная: послание Филофея Сергию могло быть написано

* Начало см.: Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2002. № 2. С. 113–123; № 3. С. 121–129.

¹Клосс Б. М. Избранные труды. Т. I. Житие Сергия Радонежского. М., 1998. С. 38.

²Кучкин В. А. Сергий Радонежский // Вопросы истории. 1992. № 10. С. 80–81.

только в первое патриаршество Филофея и никак не во второе³. Автору «Избранных трудов», пишущему специально о Сергии Радонежском, полезно было бы тщательно проанализировать эти диаметрально противоположные мнения, выяснить, какие аргументы используются, кто прав, а кто нет, и самому попытаться установить истину. Но последняя является в «Избранных трудах» Б. М. Клосса в виде неоговоренного заимствования.

После указания на примерное время введения общежительного устава в Троице-Сергиевом монастыре естественно ожидать, что это время будет уточнено, что, в свою очередь, позволит более конкретно и определенно судить об обстоятельствах и целях проведения Сергием серьезных нововведений в Троицком монастыре. Однако вместо напрашивающегося направления исследования Б. М. Клосс переходит к утверждению, что изменения в жизни Троицкого монастыря вроде бы означали реформу монастырской жизни, причем в масштабе всей Руси, но в то же время не в Троицком монастыре эти изменения начались: «В литературе утвердилось мнение о преподобном Сергии как инициаторе проведения монастырской реформы на Руси. Но при более внимательном ознакомлении с источниками данный вывод должен быть существенно скорректирован: на самом деле инициатива проведения реформы монашеской жизни принадлежала другому лицу — митрополиту Алексию (да и иначе быть не могло) и осуществлялась в более широком плане»⁴. Не доведенное до логического конца исследование о реформе Сергия Радонежского в возглавлявшемся им монастыре сменяется рассуждениями на совершенно иные темы (о значении преобразований в Троице-Сергиевом монастыре для всей Руси и одновременно о том, что на самом деле не об этих преобразованиях надо говорить), причем указание автора «Избранных трудов», будто к такому заключению его привело «более внимательное ознакомление с источниками» отдает таинственностью и загадочностью, поскольку никаких ссылок на такие источники нет, как нет и выдержек из их текстов, которые подтверждали бы сии туманные намеки. С другой стороны, очевидно, что какие-то данные заставили Б. М. Клосса оставить свой обычный панегирический тон и повнимательнее отнестись к источникам и имеющимся в исторической литературе суждениям. Правда, мнения предшественников Б. М. Клосса не сводятся к оценке введения Сергием общежительного устава в своем монастыре как начала общерусской монастырской реформы. Хотя некоторые из исследователей настаивали именно на реформе. Например, Г. П. Федотов в 1931 г. писал следующее: «Письмо патриарха (Филофея с предложением устроить в Троице-Сергиевом монастыре общежитие — В. К.) Сергию косвенно свидетельствует о том, что кинувшаяся жизнь, разрушившаяся в Киеве еще в XII столетии, ко времени Сергия была уже неизвестна на Руси», и именно Сергий стал основоположником «нового иноческого пути»⁵. Иначе оценивал роль Сергия в развитии монастырей и монашества В. О. Ключевский. С именем Сергия он связывал не возврат к общежительству, а «целый сложный и продолжительный процесс, только начавшийся при его жизни» и заключающийся в создании не городских, а т. н. «пустынных» монастырей, способствовавших колонизации и хозяйственному освоению новых земель⁶. Наконец, существует и третья точка зрения, согласно которой введение общежительности в Троице-Сергиевом монастыре не стало актом, которому последовали настоятели всех других русских обителей⁷.

Б. М. Клосс придерживается мнения, что имела место именно реформа, но не доказывает правильности такой точки зрения по сравнению с остальными двумя. Однако он полагает,

³Таково было мнение Е. Е. Голубинского: «Относить введение Сергием в своем монастыре общежития ко второму патриаршеству Филофея значило бы относить его к слишком позднему времени, против которого говорят и простые соображения и имеющиеся у нас положительные данные и указания». См.: Голубинский Е. Е. Преподобный Сергий Радонежский и созданная им Троицкая лавра. М., 1909. С. 38. Примеч. 1.

⁴Клосс Б. М. Избранные труды. Т. I. С. 37.

⁵Федотов Г. Святые древней Руси. М., 1990. С. 145.

⁶Ключевский В. О. Значение преподобного Сергия Радонежского для русского народа и государства // Русский архив. Вып. I. М., 1990. С. 82, 83.

⁷Будовниц И. У. Монастыри на Руси и борьба с ними крестьян в XIV—XVI веках (по житиям святых). М., 1966. С. 88—90.

основываясь на некоторых высказываниях И. У. Будовница⁸, что реформу начал проводить не Сергей Радонежский, а митрополит Алексей. Видимо, основываясь на собственных представлениях о том, как должна развиваться история, автор «Избранных трудов» считает, что если речь заходит о реформах, они всегда должны осуществляться «сверху» («да иначе и не могло быть»). А кто старше в церковной иерархии настоятеля подмосковного Троицкого монастыря? Митрополит. Ему и следует приписать инициативу в реформировании монашеской жизни. Свою мысль Б. М. Клосс доказывает следующим образом. Он составил список монастырей, которые основал митрополит Алексей. В список вошли: серпуховский Владычный монастырь (1362 г.), Чудов монастырь в московском Кремле (1365 г.), Алексеевский женский монастырь (1367 г.; на месте современного храма Христа Спасителя), Благовещенский монастырь в Нижнем Новгороде (1370 г.), Константиноеленинский монастырь во Владимире на Клязьме (после 1370 г.), Благовещенский монастырь на р. Киржаче (1373 г.), Спасо-Андроников монастырь в Москве (1366 г.), серпуховский Высоцкий монастырь (1374 г.), московский Симонов монастырь (1375–1377 г.)⁹. Не обсуждая пока что необходимости составления такого списка для раскрытия темы, следует заметить, что сам список нуждается в существенных поправках.

Так, основание серпуховского Владычного монастыря Б. М. Клосс приписывает митрополиту Алексею на основании весьма позднего (конец XVII в.) «Сказания о начале Владычного монастыря». «Сказание» сохранилось в списках 1699–1700 г. и 10-х годов XVIII в., а также в списке начала XIX в. В первых двух основание монастыря отнесено к 1367 г., в последнем — к 1362 г. Дата в более ранних списках объявляется автором «Избранных трудов» вторичным исправлением, а дата 1362 г. в списке XIX в. — истинной¹⁰. Доказательств таких утверждений не приведено никаких. Нет доказательств достоверности и всего остального, написанного в «Сказании». Между тем древние источники не подтверждают факта основания митрополитом Алексеем Владычного монастыря под Серпуховом. Игумены в нем фиксируются только с XVI в.¹¹

Древнейшее известие о московском Алексеевском (Алексея — человека божия) женском монастыре также не говорит о том, что основателем монастыря был митрополит Алексей¹². Ссылка Б. М. Клосса на запись в поздней, составленной после 1560 г. Львовской летописи об основании митрополитом Алексеем этого монастыря «в лето 6886 месяца ноеврия 28»¹³ не может быть принята, поскольку 6886 год, судя по предшествующей статье Львовской летописи, — мартовский, а митрополит Алексей скончался 12 февраля предшествовавшего 6885 мартовского года¹⁴.

Митрополичий Благовещенский монастырь в Нижнем Новгороде был основан не в 1370 г., а раньше. Б. М. Клосс принимает 1370 год за год основания этого монастыря потому, что в названном году в Нижнем побывал митрополит Алексей¹⁵. Но летопись ничего не сообщает о

⁸Ср.: Там же. С. 92.

⁹Клосс Б. М. Избранные труды. Т. I. С. 37, 40–45.

¹⁰Там же. С. 40. Авторство «Сказания о начале Владычного монастыря» Б. М. Клосс приписывает Евфимию Чудовскому на том основании, что последний в конце XVII в. написал Житие митрополита Алексея. В этом Житии, как и в «Сказании», есть ряд «уникальных сведений о Руси XIV в.» Проверить достоверность этих сведений Б. М. Клосс не пытается, просто отмечает их наличие. В Житии и в «Сказании» эти «уникальные сведения» относятся к совершенно разным людям и фактам, они не совпадают между собой. Следовательно, авторство Б. М. Клосса устанавливает по одному признаку — уникальности сведений. Но если следовать таким приемам, тогда все русские летописи следует объявить творением одного человека, ведь в каждой летописи есть уникальные сведения. Правда, свое утверждение Б. М. Клосс пытается подкрепить еще одним соображением. Известно, что Евфимий Чудовский в 1690 г. работал в Переяславле Рязанском в келии местного митрополита. Автор «Избранных трудов» сообщает, что «тогда-то Евфимий мог быть и во Владычном монастыре, расположенном на другом берегу реки Оки». См.: Там же. С. 41. Да, действительно на другом, но не у Переяславля Рязанского, а у Серпухова, до которого только по прямой от Переяславля Рязанского было 160 км.

¹¹Строев П. М. Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви. СПб., 1877. Стб. 221.

¹²Приселков М. Д. Троицкая летопись. Реконструкция текста. М.; Л., 1950. С. 442.

¹³Клосс Б. М. Избранные труды. Т. I. С. 42.

¹⁴ПСРЛ. Т. XVIII. СПб., 1913. С. 119.

¹⁵Клосс Б. М. Избранные труды. Т. I. С. 42.

строительной деятельности митрополита в то время. Зато она говорит, что в указанном году в Нижнем Новгороде случился оползень, который обрушился на жилые дворы с горы, «еже надъ Волгою за святымъ Благовѣщеніемъ»¹⁶. Следовательно, к 1370 г. Благовещенский монастырь уже существовал. Очевидно, он был построен до 1370 г.

Об основании Алексеем Константиноеленинского монастыря во Владимире Б. М. Клосс знает из Жития Алексея, написанного спустя 81 год после его смерти. Однако этот монастырь упоминается в источниках много раньше. Летописи сообщают, что в 1276 г. «поставленъ бысть Феодоръ, игумень святого Костянтина и Елены, епископъ Володимерю и Суздалью»¹⁷. Следовательно, монастырь не мог быть основан Алексеем. Он или перестроил его, или, возможно, возобновил. Судя по древнейшей сохранившейся грамоте 1391 г. этого монастыря, в нем, вопреки утверждению Б. М. Клосса, сохранялось особножитие, а не общежитие. В грамоте фигурирует игумен, а не игумен с братьею. Все хозяйственные дела ведает игумен, а не келарь, как в общежитийных монастырях. Возведение и ремонт монастырских строений, помол зерна, печение хлеба, варка пива осуществлялись не монахами, а приписными к монастырю крестьянами¹⁸.

Несомненно, что митрополитом Алексеем был основан Спасо-Андроников монастырь в Москве. Б. М. Клосс относит его основание к 1366 г. Он исходит из свидетельства Жития Сергия Радонежского о пострижении Андроника при игуменстве Сергия, из собственного разумения, что обряд пострижения происходил только по воскресным дням и что Андроник прожил в Троицком монастыре 10 лет. Поскольку память апостола Андроника (17 мая) приходилась на воскресный день в 1355, 1360 и 1366 г., то Б. М. Клосс выбирает дату 17 мая 1355 г. как день пострижения Андроника в Троице, прибавляет к дате 10 лет, получает 1365 г., ранее которого Андроников монастырь не мог быть основан, и останавливается на 1366 г., поскольку «именно в этом году храмовый праздник (16 августа) совпал с воскресным днем»¹⁹. Назойливые утверждения автора «Избранных трудов», будто пострижения в монахи и освящения церквей проводились исключительно в воскресные дни, и все основанные на этих положениях выводы не должны приниматься во внимание. Они просто порождены «избранной» фантазией. Относительно ошибочности воскресных пострижений говорилось ранее²⁰.

Что касается построения и освящения церквей, то здесь следует привести несколько примеров. Так, в 1115 г. при Владимире Мономахе, Олеге и Давыде Святославичах была освящена церковь Бориса и Глеба в Вышгороде «мая въ 1 день в субботу»²¹. 1 мая в 1115 г. действительно было субботой (пасха 18 апреля). В 6798 г. в Твери был освящен Спасский собор «на Съборъ Архангела Михаила», т. е. на 8 ноября. Если 6798 год летописи мартовский, то событие произошло 8 ноября 1290 г. во вторник. Если 6798 год летописи ультрамартовский или сентябрьский, то событие произошло 8 ноября 1289 г. в среду. Ни в том, ни в другом случае речь не может идти о воскресенье. В 6835 г. в Москве был освящен первый каменный Успенский собор «мѣсяца августа въ 14»²². Если 6835 год летописи мартовский, то освящение состоялось 14 августа 1327 г. в пятницу. Если 6835 год летописи ультрамартовский или сентябрьский, то освящение состоялось 14 августа 1326 г. в четверг. В 6875 г. 30 января освятили главный храм Пскова — церковь Троицы²³. Если 6875 год летописи мартовский, то церемония состоялась 30 января 1368 г. в воскресенье. Если 6875 год летописи ультрамартовский или сентябрьский, то церемония имела место 30 января 1367 г. в субботу. А вот как описал летописец XV в. освящение в 1479 г. главного храма всей русской

¹⁶ПСРЛ. Т. XV. Вып. I. Пг., 1922. Стб. 95.

¹⁷ПСРЛ. Т. XVII. С. 75; Т. XXV. С. 151.

¹⁸Акты феодального землевладения и хозяйства XIV—XVI веков. Ч. I. М., 1951. № 201. С. 179—180.

¹⁹Клосс Б. М. Избранные труды. Т. I. С. 44.

²⁰Кучкин В. А. Антиклоссицизм // Древняя Русь. 2002. № 3. С. 122.

²¹ПСРЛ. Т. II. СПб., 1908. Стб. 280.

²²ПСРЛ. Т. XV. Вып. I. Стб. 44.

²³Там же. Стб. 86.

православной церкви — Успенского собора московского Кремля: «мѣсяца августа 12 в четверток священна бысть великаа соборнаа апостольская церковь»²⁴. 12 августа 1479 г. действительно приходилось на четверг (пасха 11 апреля). Таким образом, данные от начала XII в. по конец XV в., число которых можно легко увеличить, ясно свидетельствуют о том, что в средневековой Руси церкви освящались в разные дни недели. Поэтому представление Б. М. Клосса об освящении церквей только по воскресным дням следует признать ошибочным, как и вытекающие из такого представления выводы. В частности, не может быть принята предложенная им на этой основе дата построения Спасо-Андроникова монастыря — 1366 г.

Аргументация Б. М. Клосса по этому вопросу оказывается уязвимой и в других отношениях. Так, он считает вполне достоверным сведение одной из редакций Жития Сергия Радонежского о пребывании в Троице-Сергиевом монастыре Андроника в течение 10 лет²⁵. Однако весь текст данной редакции, рассказывающий об Андронике, остался Б. М. Клоссом непроанализированным. Рассказ об Андронике кончается здесь следующими словами: «Зде же о Андроницѣ да скратим и паки на прѣдлежащая да възвратимся»²⁶, ясно показывающими, что существовал более ранний и более полный рассказ об Андронике и монастыре, где он стал настоятелем. Кроме того, в рассматриваемом рассказе допущена явная историческая ошибка: основание Спасо-Андроникова монастыря приписано не митрополиту Алексею, а Андронику. Другая редакция Жития Сергия Радонежского содержит более полные и точные сведения об Андронике и Спасо-Андроникове монастыре. В ней указано, что Андроник, как и Сергей, был родом из Ростова, что инициатором создания монастыря был митрополит Алексей, что место для строительства монастыря подыскивал по поручению митрополита Алексея Андроник, что митрополит пожертвовал в монастырь богатую икону Спаса, назван игумен — преемник Андроника, умершего в глубокой старости²⁷. Указание на 10 лет монашества Андроника в Троице-Сергиевом монастыре в этом более полном и исторически более точном рассказе отсутствует. Очевидно, 10 лет — это позднее и сомнительное в своей достоверности добавление в статью об Андронике Жития Сергия Радонежского, использовать которое для различных расчетов не следует.

Старшая редакция Жития митрополита Алексея, известная к настоящему времени в единственном списке, указывает на то, что основание Спасо-Андроникова монастыря пришлось на время великого княжения Ивана Ивановича, отца Дмитрия Донского²⁸. Б. М. Клосс такое свидетельство признает недостоверным. Он сравнивает тексты данной редакции Жития митрополита Алексея и Четвертой (по его определению) редакции Жития Сергия Радонежского. В Житии Сергия говорится о том, что Андроник помышлял основать свой монастырь. В Житии Алексея сообщается, что церковь хотел воздвигнуть великий князь Иван. Далее в Житии Сергия читается: «И тако ему помышляющу. Прииде некогда к святому митрополит Алексие в монастырь посещения ради...». В Житии же Алексия текст несколько иной: «И тако ему помышляющу, прииде к святому Сергию в монастырь посещения ради...»²⁹. Тексты сопровождаются следующим комментарием Б. М. Клосса: «Вставка (в Житии митрополита Алексея — В. К.) имени Ивана в текст Жития Сергия привела к несогласованности с последующим изложением, в результате чего получилось, будто князь Иван Иванович, решивший создать некую церковь (?), пришел за советом к преподобному Сергию, хотя на самом деле, как выясняется из дальнейшего, речь идет о посещении Сергия митрополитом Алексием, задумавшим исполнить свой обет. Таким образом, в Житии Алексия подогнаны друг к другу два разных сюжета, что привело к противоречию. Следовательно,

²⁴ПСРЛ. Т. XXV. С. 324.

²⁵Клосс Б. М. Избранные труды. Т. I. С. 370.

²⁶Там же. С. 371.

²⁷Тихонравов Н. С. Древние Жития преподобного Сергия Радонежского. М., 1892. Отд. I. С. 128–131.

²⁸Кучкин В. А. Из литературного наследия Пахомия Серба (старшая редакция Жития митрополита Алексея) // Источники и историография славянского средневековья. М., 1967. С. 247. Л. 123.

²⁹Клосс Б. М. Избранные труды. Т. I. С. 44.

данный источник не может представить дополнительной информации о времени возникновения Андрониковского монастыря»³⁰. Суждения Б. М. Клосса кажутся достаточно логичными и последовательными. Но только на первый взгляд.

В самом деле, почему автор «Избранных трудов» решил, что речь в Житии Алексея идет о двух разных сюжетах? На том основании, что в данном Житии говорится о князе Иване и его желании создать церковь, а не монастырь (после слова «церковь» Б. М. Клосс даже поставил знак вопроса, видимо находясь в стадии недоумения), который основал митрополит Алексей? Но при описании создания Спасо-Андроникова монастыря в Житии Сергия Радонежского, которое сам же Б. М. Клосс и напечатал, говорится, что Алексей и Андроник «основаста церковь», «въскорѣ абие създанна бысть церковь зѣло красна»³¹. Слово «монастырь» в описании начала строительства обители отсутствует. Следовательно, о двух разных сюжетах, якобы отраженных в Житии митрополита Алексея, речи быть не может. Можно говорить только о разных именах людей, причастных к основанию монастыря: или Андроника, или великого князя Ивана.

Возражение вызывает и трактовка Б. М. Клоссом текстов тех двух отрывков из Житий Сергия и Алексея, которые он сопоставил. Одно из двух: или автор «Избранных трудов» не понимает смысла текстов, которые сам цитирует и комментирует, или (что гораздо хуже) производит такую вивисекцию источника, которая имеет лишь одну цель — подтвердить его умозрительные заключения. Выражение «И тако ему помышляющу» (дательный самостоятельный) Жития Сергия Радонежского Б. М. Клосс выделил как самостоятельное предложение, хотя, как правило, дательный самостоятельный образует придаточное предложение времени в сложноподчиненном предложении. Благодаря такому выделению Б. М. Клосс подчеркнул, что речь в Житии Сергия идет о мыслях Андроника, о которых сказано выше. В Житии митрополита Алексея те же самые слова «И тако ему помышляющу» Б. М. Клосс не отделил точкой от последующего текста, а сам этот текст сократил. Он опустил слова «и бывшему обычному благословиению и бесѣдѣ, глагола митрополитъ къ святому...»³² (далее следует обращение митрополита Алексея к Сергию Радонежскому — В. К.). В результате у него получилось, что слова «И тако ему помышляющу» относятся не к предшествовавшему тексту, как в Житии Сергия Радонежского, а к последующему, и по Житию Алексея Троицкий монастырь посетил не митрополит (как в Житии Сергия Радонежского), а князь Иван. Создав (невольно или вольно) нелепицу³³, Б. М. Клосс на этом основании отверг свидетельство Жития митрополита Алексея о создании московского Спасо-Андроникова монастыря в годы правления Ивана Ивановича. Между тем, смысловое различие приведенных Б. М. Клоссом параллелей только в одном: в наличии имени князя Ивана в тексте Жития митрополита Алексея вместо имени инока Андроника в тексте более раннего Жития Сергия Радонежского. Такая замена имен могла быть признана поздней и недостоверной, если бы не одно обстоятельство, совершенно проигнорированное Б. М. Клоссом. Дело в том, что и Житие Сергия Радонежского, и Житие митрополита Алексея написаны одним человеком — Пахомием Сербом. И речь не может идти о бездумно-механическом соединении разных текстов (сюжетов, как это кажется Б. М. Клоссу), а явной редакторской работе автора, использовавшего свой материал,

³⁰Там же. С. 45.

³¹Там же. С. 371.

³²Кучкин В. А. Из литературного наследия Пахомия Серба. С. 247.

³³Чтобы не запутывать себя и читателей, автор «Избранных трудов» при цитировании разобранных параллельных мест из Житий Алексея и Сергия должен был использовать одинаковые знаки препинания и печатать или «И тако ему помышляющу, прииде к святому Сергию в монастырь посещения ради и бывшему обычному благословиению и бесѣдѣ, глагола митрополитъ къ святому...» (Житие Алексея) и «И тако ему помышляющу, прииде некогда к святому митрополит Алексие в монастырь посещения ради...» (Житие Сергия); или «И тако ему помышляющу. Прииде к святому Сергию в монастырь посещения ради и бывшему обычному благословиению и бесѣдѣ, глагола митрополитъ къ святому...» (Житие Алексея) и «И тако ему помышляющу. Прииде некогда к святому митрополит Алексие в монастырь посещения ради...» (Житие Сергия).

написанный прежде. Эта саморедакторская работа заключалась в уточнении времени строительства Спасо-Андроникова монастыря. И такое уточнение, судя по некоторым признакам, было верным. В самом деле, из приведенного выше классического списка основанных митрополитом Алексеем монастырей выясняется, что все они были построены в годы княжения Дмитрия Донского. Только один из них, именно Спасо-Андроников, как следует из разбираемого свидетельства Жития митрополита Алексея, был основан раньше других, в годы правления предшественника Дмитрия его отца Ивана. И это закономерно. Спасо-Андроников монастырь был обетным. Он был построен по обету митрополита Алексея, спасшегося от морской бури при своем возвращении из Константинополя 16 августа, скорее всего, 1354 г. Естественно, что приступая к строительству монастырей, митрополит прежде всего должен был построить свой обетный монастырь. Данное обстоятельство подтверждает правильность редакторской поправки Пахомия Логофета и объясняет ее появление. По Б. М. Клоссу же получается, что обетный монастырь митрополит Алексей основал почему-то лишь 12 лет спустя после своего обета и после возведения по меньшей мере двух других обычных монастырей.

Стремясь улучшить показатели, автор «Избранных трудов» приписывает митрополиту Алексею основание таких монастырей, как серпуховский Высоцкий монастырь, Благовещенский Киржачский и московский Симонов монастыри, хотя широко известно, что основателем первых двух монастырей был Сергей Радонежский, а Симонова монастыря — его племянник Федор, причем последнее произошло не в 1375—1377 г., как утверждает Б. М. Клосс, а весной-осенью 1377 г.³⁴ Хотя митрополит Алексей и принимал известное участие в выборе места для строительства Симонова монастыря, но монастырь основывался как великокняжеский и вскоре превратился в ставропигиальный³⁵, от митрополичьей власти независимый.

Весьма оригинальным выглядит обоснование Б. М. Клоссом участия митрополита Алексея в основании Киржачского монастыря. Он пишет, что при создании монастыря Сергей не обращался за содействием к великому князю или к частным лицам. Но он «послал двух своих учеников к митрополиту Алексию, прося благословения»³⁶. На реке Киржаче располагалась митрополичья Романовская волость. В XVI в. она граничила с землями Киржачского монастыря. «Поэтому вполне возможно, — заключает Б. М. Клосс, — что обитель на Киржаче возникла благодаря не только духовной, но и материальной поддержке митрополита Алексея»³⁷. Данные XVI в. Б. М. Клосс смело экстраполирует в XIV в., но даже эти данные не говорят о том, что Киржачский монастырь был расположен на митрополичьих землях. В чем же тогда заключалась указанная автором «Избранных трудов» материальная поддержка митрополичьей кафедры?

Выясняется, что все свои рассуждения о причастности митрополита Алексея к строительству Киржачского монастыря Б. М. Клосс строит на искаженной им самим фразе из Жития Сергия Радонежского. Последнее сообщает, что на Киржаче «отец наш Сергие прѣже постави келия, в них покои приимати от великого труда, таже посилает два ученика своя всеосвятѣишему митрополиту Алексию о основании церковнѣм, прося благословения»³⁸. Ясно, что монастырь основал Сергей. Именно он поставил кельи. К митрополиту он посылал только за благословением на строительство церкви. А Б. М. Клосс скрывает, за каким именно благословением посылал Сергей своих двух учеников к митрополиту, пишет о благословении вообще, создавая впечатление, что дело шло об основании монастыря, и далее уже расписывает несуществовавшую деятельность кафедры.

Показательны также приемы, к которым прибегает автор «Избранных трудов» при определении времени основания Киржачского монастыря. Он обращает внимание на имена послов,

³⁴Кучкин В. А. Начало московского Симонова монастыря // Культура средневековой Москвы XIV–XVII вв. М., 1995. С. 119.

³⁵Там же. С. 114, 117, 119.

³⁶Клосс Б. М. Избранные труды. Т. I. С. 43.

³⁷Там же.

³⁸Там же. С. 364.

пришедших от митрополита Алексея к Сергию на Киржач, которые призывают его вернуться из Киржачского монастыря в Троицкий. «Митрополит, — повествует Б. М. Клосс, — посылает к Сергию двух архимандритов Герасима и Павла — и это, очевидно, те же Герасим и Павел, которые в качестве митрополичьих послов ходили в 1363 г. в Нижний Новгород (вероятно, вместе с Сергием). Но тогда Герасим был просто игуменом, а на Киржач он явился в качестве архимандрита — следовательно, в более позднее время по сравнению с 1363 г. Список РГБ. Больш. № 20 Первой Пахомиевской редакции содержит уникальные сведения о Герасиме — он называется архимандритом Чудова монастыря... Поскольку Чудов монастырь основан в 1365 г., то описанные здесь события не могли иметь место ранее этого года. Верхняя граница создания Киржачского монастыря — 1373 г., потому что только правительница удела княгиня Ульяна могла индифферентно относиться к событиям в Троицкой обители (возможно, это объясняется болезнью княгини), но с 1374 г. новый вотчик монастыря князь Владимир Андреевич с великим усердием почитал Преподобного Сергия и вряд ли допустил бы его изгнание»³⁹. Б. М. Клосс правильно повторяет высказанное до появления его работы мнение, что архимандрит Павел и игумен Герасим, от имени митрополита Алексея запретившие в 1363 г. службу в церквях Нижнего Новгорода, это те же лица, что и архимандриты Павел и Герасим, посланные митрополитом на Киржач звать Сергия обратно в Троицкий монастырь. Но при этом стоит обратить внимание на новый поворот в высказываниях автора «Избранных трудов». Если раньше он утверждал, что не Сергий закрывал церкви в Нижнем Новгороде, затем настаивал на том, что это сделал Сергий, а Елифаный Премудрый, стремясь подчеркнуть скромность Сергия, заменил его имя на имена Павла и Герасима, на самом деле Нижний не посещавших, то теперь он считает, что именно последние были посланы в Нижний Новгород митрополитом Алексеем, а действия там Сергия представляются ему лишь вероятными. Можно ли назвать исследованием работу, в которой одному и тому же событию даны три взаимоисключающие характеристики?

Вернемся, однако, к вопросу о времени основания Киржачского монастыря. Поскольку Герасим в Житии Сергия Радонежского назван архимандритом, а не игуменом, справедливо заключение, что Герасим на Киржач ездил после своего посольства в Нижний Новгород. Далее Б. М. Клосс привлек для анализа свидетельство одной рукописи, где указывалось, что Герасим был архимандритом московского Чудова монастыря. Рукопись эта датируется 60-ми гг. XVI в., т. е. отстоит примерно на 200 лет от рассматриваемых Б. М. Клоссом событий. Сам Б. М. Клосс отмечает, что в ней «имеются любопытные добавления исторического характера, ценность которых еще предстоит выяснить»⁴⁰. Ценность одного «любопытного добавления» Б. М. Клосс определил сразу: Основателем Спасо-Андроникова монастыря в рукописи объявлен не митрополит Алексей, а митрополит Киприан, что является грубым анахронизмом⁴¹. Б. М. Клосс уверен также, что архимандрит Павел не был настоятелем московского Богоявленского монастыря, как утверждается в Большаковской рукописи⁴². В «Избранных трудах» также установлено, что указание той же рукописи на игумена Стромьинского на Дубенке монастыря Никифора противоречит свидетельствам всех более ранних источников⁴³. Таким образом, большинство «любопытных добавлений» оказывается ложным. Тем не менее свидетельство о настоятельстве Герасима в Чудовом монастыре Б. М. Клосс, уже без всякого «выяснения ценности», считает достоверным, поскольку видит смысл в его использовании для своих построений, и начинает оперировать данным сведением как непреложным историческим фактом. Но и здесь логика автора «Избранных трудов» дает явные сбои.

Б. М. Клосс почему-то думает, что Герасим стал архимандритом Чудова монастыря уже при его основании, т. е. в 1365 г. А поскольку на Киржач Герасим был отправлен в сане архимандрита,

³⁹Там же. С. 43.

⁴⁰Там же. С. 163.

⁴¹Там же. С. 164.

⁴²Там же. С. 43. Примеч. 34.

⁴³Там же. С. 163–164.

предлагается наиболее ранняя из допустимых дата основания Киржачского монастыря — 1365 год. Такое логическое построение возможно, но вся беда в том, что оно не единственно возможное. Например, можно предположить, что архимандритство Герасима началось в совсем другом монастыре (как это бывало на практике и до, и после XIV в.), а в Чудов он был переведен позднее, что и нашло отражение в записи Большаковской рукописи. Поэтому даже при теоретических расчетах 1365 год не должен приниматься во внимание, логические посылки не могут доказать его правильности. Столь же недоказуема и верхняя граница строительства Киржачского монастыря, о которой пишет Б. М. Клосс: 1373 год. Во-первых, источники позволяют говорить не об определенном годе, когда скончалась владелица Радонежа вдова Ивана Калиты Ульяна (Б. М. Клосс настойчиво пишет о 1374 г.), а о некотором промежутке времени между 1372 и 1374 г.⁴⁴ Во-вторых, совершенно произвольно предположение Б. М. Клосса о болезни княгини Ульяны. С наименьшей долей убедительности можно писать о том, что княгиня гостила на Белоозере у своей дочери или осматривала Константинополь. В-третьих, столь же недоказуема мера почитания князем Владимиром Серпуховским Сергия Радонежского, которой Б. М. Клосс желает обосновать дату основания Киржачского монастыря. А если князь Владимир, чтя Сергия, еще больше почитал его старшего брата Стефана, с которым Сергей молча разошелся? Псевдоисследовательский характер всех этих построений автора «Избранных трудов» станет вполне очевиден далее, когда будут проанализированы показания источников о введении общежительства в Троице-Сергиевом монастыре и связанном с этим строительстве Киржачского монастыря.

Далее Б. М. Клосс объединяет сведения о монастырях, которые, по его мнению, основал митрополит Алексей, со сведениями о других монастырях, которые существовали во время управления Алексеем русской церковью на территориях Московского (в конце 1362 — начале 1363 г. включившего в свой состав территорию Владимирского великого княжества) и Нижегородского княжеств и в которых существовало общежительство, вслед за И. У. Будовницем приписывает введение последнего митрополиту Алексею и делает вывод о крупной монастырской реформе. Он утверждает, что Алексеем «было введено общежительство в Высокопетровском (начальный общежительный монастырь в Москве) и Троице-Сергиевом (около 1365 г.). Во Владимире — Константиноеленинский (после 1370 г.). В Переяславле — Никольский на Болоте (общежитие существовало уже в 1377 г.), в других частях Владимирского княжества: Троицкий Махрицкий, Благовещенский Киржачский (1365—1373 г.). В Нижнем Новгороде: Зачатьевский (ок. 1369 г.), Благовещенский (1370 г.), введено общежитие в Печерском Вознесенском монастыре. Иными словами, в 60—70-х годах XIV века переустройство монастырей на новых основаниях затронуло собственно Московское княжество, Великое княжение Владимирское, Нижний Новгород — т. е. территорию, в церковном отношении подведомственную митрополиту Алексею и, естественно, находившуюся под его контролем. Отсюда неизбежно следует вывод, что инициатором монастырской реформы на общежитийной основе являлся митрополит Алексей и осуществлялась она в первую очередь на территории, где митрополит был епархиальным владыкой. Думается, что отправным моментом реформы следует считать основание в 1365 г. митрополичьего Чудова монастыря в Москве. Инициатор реформы, московская митрополичья кафедра, поддерживаемая великокняжеской властью, нашла опору в самом монашестве, в подвижниках строгой жизни, в фанатиках аскезы. В Москве «начальником» общежития явился Иван, архимандрит Петровский, в остальных частях Московского княжества проводником монастырской реформы был Сергей Радонежский со своими учениками, на территории Великого княжения Владимирского общежительные порядки внедрялись тем же Сергием Радонежским, Стефаном Махрицким,

⁴⁴Следует исправить опечатку, допущенную в предыдущем номере журнала. На с. 124, в строке 17 сверху вместо «15 июня 1371 г.» следует читать «1372 г.».

Димитрием (Прилуцким). В Нижнем Новгороде общежитие распространялось Дионисием, архимандритом Печерским (с 1374 г. — епископ Суздальский и Нижегородский)»⁴⁵.

Даже беглое ознакомление с этими утверждениями и суждениями автора «Избранных трудов» поражает обилием в них фактических ошибок, недоказанностью прокламируемых фактов и массой противоречий со сказанным самим Б. М. Клоссом ранее. Так, Владимирское великое княжество в то время, о котором пишет Б. М. Клосс, уже не существовало. Его наследственным владельцем стал московский великий князь, который и распорядился владимирской территорией, что ясно видно из его последнего завещания. В митрополичий диоцез входили не только Москва, Владимир, Нижний Новгород, но и Городец Радилон на Волге, о монастырях которого Б. М. Клосс ничего не пишет. К митрополичьему диоцезу относился также и Киев, но эта деталь автору «Избранных трудов», по-видимому, просто неизвестна.

Если Б. М. Клосс настаивает на поддержке монастырской реформы со стороны московской великокняжеской власти (правда, не приводя ни одного конкретного факта такой поддержки), то чьей поддержкой объяснить появление общежительных монастырей в Нижнем Новгороде, который находился под властью собственного князя?

Если реформа началась с 1365 года, со времени основания Чудова монастыря в московском Кремле, то как расценивать уверения Б. М. Клосса в том, что первым общежительным монастырем, основанным митрополитом Алексеем, был созданный в 1362 г. около села (тогда еще не города!) Серпуховского Владычный монастырь?

Если реформу поддерживало «само монашество», то как же объяснить бурные столкновения в монастырях при введении общежития и, в частности, уход Сергия Радонежского из его детища — Троицкого монастыря?

Если митрополит Алексей ввел общежитие в нижегородском Печерском монастыре, то каким образом оно распространилось в Нижнем Новгороде Дионисием, который был настоятелем этого Печерского монастыря и никаких других монастырей в Нижнем Новгороде не основывал? Если же он явился первоначальником общежития в Нижнем Новгороде, то в чем тогда заключалась роль митрополита Алексея?

Поверхностные суждения Б. М. Клосса, не озабоченного даже сведением воедино собственных высказываний, не только не способствуют прояснению вопроса, но запутывают его в еще большей степени. К тем же последствиям приводит и тяга автора «Избранных трудов» к цветистым словам и звонким фразам. «Фанатики аскезы», которые упомянуты в процитированном отрывке из книги Б. М. Клосса, не могут рассматриваться как сторонники монастырского общежития. Так определяются приверженцы отшельнического образа монашеской жизни.

Однако главный интерес для оценки «Избранных трудов» представляют конкретные данные, которыми оперирует Б. М. Клосс в самом начале приведенной выше цитаты из его сочинения. Выясняется, что к основанным митрополитом Алексеем монастырям он относит все, существование которых датируется временем управления русской церковью Алексеем. Кроме того, Б. М. Клосс считает все эти монастыри общежительными и приписывает введение в них общежития также инициативе митрополичьей кафедры. В итоге оказывается, что реформам подверглись не только те девять монастырей, которые в рассматриваемой работе объявлены основанными Алексеем (по свидетельствам достоверных источников таких было всего три), но и еще шесть: московский Высокопетровский, Троице-Сергиев, переяславский Никольский на Болоте, Троицкий Махрищский, Зачатьевский и Печерский в Нижнем Новгороде. Нечего и говорить, что в источниках нет ни малейших намеков на какое-либо участие митрополита Алексея в создании этих монастырей или в введении в них общежительных уставов. При этом Б. М. Клосса совершенно не

⁴⁵Клосс Б. М. Избранные труды. Т. I. С. 46.

смущает, что в начале главы он повествовал, как введение общежительства в Троице-Сергиевом монастыре было связано с именем константинопольского патриарха Филофея, приславшего Сергию особую грамоту, а через 7 страниц утверждает, что принятие общежительства в этом монастыре — плод деятельности митрополита Алексея.

Называет Б. М. Клосс и дату перехода на общее житие в Троице-Сергиевом монастыре — «около 1365 г.». Дата совершенно произвольна. Она, видимо, проистекает из уверенности Б. М. Клосса в том, что общежительная реформа началась с основания Чудова монастыря в 1365 г., а Троицкий монастырь, по его понятиям, в проведении реформы никак не мог отстать от Чудова. Впрочем, разумно объяснить ход мыслей автора «Избранных трудов» чрезвычайно трудно. Поэтому ограничимся указанием на противоречия, которые возникают при сопоставлении этой произвольной даты с другими утверждениями Б. М. Клосса. По Житию Сергия Радонежского известно, что на Киржач Сергей ушел после получения послания от патриарха Филофея и устройства общежительства в собственном Троицком монастыре⁴⁶. От получения послания из Константинополя и до основания Киржачского монастыря должно было пройти какое-то, пусть и короткое, но время, — видимо, несколько месяцев. Патриарх Филофей вернулся на патриаршество 8 октября 1364 г.⁴⁷ Предположим, что уже на следующий же день он послал уведомление об этом в Москву. Вместе с таким уведомлением грамоту Сергию он послать не мог, поскольку достаточно очевидно, что даже к 9 октября 1364 г. о состоянии дел в Троице-Сергиевом монастыре ему ничего известно не было. Сколько времени должны были добираться люди Филофея из Константинополя в Москву? В нашем распоряжении есть описание путешествия митрополита Пимена в 1389 г. из Москвы в Константинополь. Он выехал из Москвы 13 апреля, а в Константинополь прибыл 29 июня⁴⁸. Следовательно, путешествие, причем в самое благоприятное время года, заняло 77 дней. Прибавляя те же 77 дней к предполагаемой дате выезда патриарших послов из Константинополя, получаем 18 декабря 1364 г. как время их возможного прибытия в Москву. Ясно, что в 1364 г. введения общего жития в Троице-Сергиевом монастыре произойти не могло, т. к. к тому времени грамоты от патриарха Филофея Сергей еще не получил. Клоссовская дата «около 1365 г.» не может относиться к 1364 г. Если «около» распространяется на 1366 г., то тогда нельзя утверждать, как это делает Б. М. Клосс, что Киржачский монастырь мог быть основан в 1365 г. (ранняя дата). И уже совсем алогичной становится поздняя дата возникновения этого монастыря, называемая Б. М. Клоссом, — 1373 г. При такой дате введение общего жития в Троице-Сергиевом монастыре надо относить или к тому же 1373 г., или к предшествовавшему 1372 г., поскольку между введением Сергия общежительства в Троице и основанием им Киржачского монастыря времени прошло немного.

Остается единственная дата, которую может предложить Б. М. Клосс, не входя в противоречия с другими собственными утверждениями. Это — не «около 1365 г.», а 1365 год. Однако такая дата не подтверждается древними свидетельствами и противоречит показаниям ранних источников. Во-первых, источникам неизвестно никакое посольство константинопольского патриарха на Русь в 1365 г., а ведь именно после такого посольства в Троице-Сергиевом монастыре было введено общежительство. Во-вторых, уже в епифаниевской редакции Жития Сергия Радонежского описывается эпизод, когда монахи Троице-Сергиева монастыря не ели три или четыре дня, и Сергей за решето гнилых хлебов построил сени перед кельей монаха Даниила, а потом сам съел эти хлеба⁴⁹. Скучность и голод в монастыре связываются с сильной засухой 1371 г., когда впервые после возведения Сергия в сан игумена на Руси были «оскудѣние брашна, дороговь велика»⁵⁰. Рассказ о строительстве Сергием сеней богатому монаху Даниилу рисует явно особножительные, а не общежитильные порядки

⁴⁶Там же. С. 362–365.

⁴⁷Grumel V. La Chronologie. Paris, 1958. P. 437.

⁴⁸ПСРЛ. Т. XI. СПб., 1897. С. 95, 99.

⁴⁹Клосс Б. М. Избранные труды. Т. I. С. 333–334.

⁵⁰ПСРЛ. Т. XV. Вып. I. Стб. 97; Кучкин В. А. Сергей Радонежский. С. 79.

в Троицкой обители в то время. Маленькая, но выразительная картинка поглощения одним Сергием гнилых хлебов, которые он размягчал водой, свидетельствует об особой, а не общей трапезе, которой строго придерживались в общежительных монастырях. Очевидно, что в 1371 г. Троице-Сергиев монастырь еще не перешел на общежитие. В-третьих, и это самое главное, посольство от патриарха Филофея в Москву, привезшее патриаршее послание радонежскому игумену, может быть датировано достаточно определенно. Дело в том, что вместе с грамотой греки из Константинополя вручили Сергию «поминки от патриарха»: «крестъ и парамандъ и схыму»⁵¹. Филофеевский крест сохранился. В 1918 г. Ю. А. Олсуфьевым было выяснено, что он представляет собой маленький золотой нательный крест-реликварий. Несколько позднее тем же Ю. А. Олсуфьевым и П. А. Флоренским было обосновано время изготовления креста — XIV столетие. Среди мощей святых, вложенных в крест-реликварий, были, по свидетельству надписи на кресте, мощи «новъхъ мученикъ литовскъхъ». Речь идет о мучениках Круглице, Нежиле и Кумце, принявших крещение под именами Антоний, Иоанн и Евстафий и казненных за это литовским великим князем Ольгердом. Патриарх Филофей канонизировал литовских мучеников в 1374 г.⁵² Следовательно, ранее указанного года Сергий не мог получить такой крест, а вместе с ним и грамоту об учреждении общежития от патриарха Филофея. Уже Г. М. Прохоров за 20 лет до появления работы Б. М. Клосса полагал, что посланники Филофея, привезшие грамоту и различные подарки Сергию, прибыли в Москву в марте 1376 г.⁵³ Дату, предложенную Г. М. Прохоровым, можно уточнить: послы из Константинополя оказались в Москве не ранее начала 1377 г.⁵⁴ Таким образом, введение в Троице-Сергиевом монастыре общежительного устава, согласно которому «никому же ничто же не дрѣжати отнудь: ни мало, ни много, ни своим звати, но вся обща имѣти»⁵⁵, нельзя относить ко времени ранее 1377 г.

Полученная дата объясняет многие детали и разрушает все построения Б. М. Клосса. Выясняется, что свои послание и подарки константинопольский патриарх Филофей направил Сергию тогда, когда тот уже стал (по-видимому, с 1374 г.) духовником московского великого князя Дмитрия Ивановича и в этом качестве приобрел значительный политический вес и известность; что общежительная реформа в основанном Сергием Троицком монастыре была проведена поздно, спустя 35 лет после основания монастыря и за 15 лет до смерти Сергия. Поздняя дата говорит за то, что в Троице-Сергиевом монастыре в 1377 г. имела место именно реформа, а не плавное перетекание одной формы монашеской жизни в другую. По прошествии многих лет Сергий решился на крупные нововведения, изменившие давний, десятилетиями складывавшийся в его монастыре быт. Такой акт вносит существенные коррективы в представления о Сергии Радонежском как о личности, способной на крутые, можно даже сказать, кардинальные изменения. Последнее не только не раскрыто в работе Б. М. Клосса, а наоборот, затушевано.

Переход на общежитие означал большую хозяйственную самостоятельность Троице-Сергиева монастыря, превращение монастырской братии не только в самообслуживающий, но отчасти и в самопроизводящий коллектив. Это ставило монастырь в меньшую зависимость от светской власти и от мирян вообще (стоит вспомнить троицкого монаха Даниила, который обратился к сельскому плотнику, чтобы тот поставил ему сени, но когда тот не пришел, за дело взялся Сергий Радонежский и успешно его исполнил). С другой стороны, это было на руку и светской власти, князья уже могли не тратить значительных средств для поддержания монастыря. Последнее, вероятно, вообще было одной из причин распространения именно общежительных монастырей в Московском великом княжестве и Русском государстве в XV—XVI в.

⁵¹Клосс Б. М. Избранные труды. Т. I. С. 362.

⁵²Подробнее о присланном патриархом Филофеем кресте Сергию Радонежскому см.: Кучкин В. А. Сергий Радонежский и «филофеевский крест» // Древнерусское искусство. Сергий Радонежский и художественная культура Москвы XIV—XV вв. СПб., 1998. С. 16—20.

⁵³Прохоров Г. М. Повесть о Митяе. Русь и Византия в эпоху Куликовской битвы. Л., 1978. С. 49.

⁵⁴Кучкин В. А. Сергий Радонежский. С. 81—82.

⁵⁵Клосс Б. М. Избранные труды. Т. I. С. 363.

Определение времени введения общежительства в Троице-Сергиевом монастыре позволяет назвать не произвольную, как у Б. М. Клосса, а основанную на показаниях источников дату основания Благовещенского монастыря на р. Киржаче. Это — 1377 г.⁵⁶, когда был основан и Симонов монастырь. Строительство этих двух монастырей отразило кризис внутри братии Троицкого монастыря, среди которой выявились явные оппоненты Сергию Радонежскому и явные его сторонники и последователи.

Передатировка введения общежительства в Троице-Сергиевом монастыре меняет и представления о митрополите Алексее как инициаторе проведения общежительной монастырской реформы. Если было так, как пишут И. У. Будовниц и Б. М. Клосс, то почему же реформа в Троице-Сергиевом монастыре случилась всего за год до смерти Алексея? В обстоятельном и весьма благожелательном некрологе митрополиту Алексею, помещенном в митрополичьем своде 1408 г., отмечены его многие заслуги перед церковью, но относительно монастырского общежития сказано лишь о том, что, построив Чудов монастырь, он «обѣща же ся тому монастырю быти общему житию»⁵⁷, т. е. обещал в будущем, а не устроил общежительство сразу. О введении им общежительства в других монастырях в некрологе вообще ничего не сказано. Совершенно проигнорировал Б. М. Клосс и завещание митрополита Алексея (возможно, и просто не знал о его существовании). А в этом завещании Алексей, выходец из знатного московского боярского рода Бяконта, перед кончиной писал, что он передает основанному им Чудову монастырю «село Жилинское, Серкизовское, Тюфтедское, Никола святѣи на Сосонкѣ, Рамение, что есмь купил оу Ильи оу Озакова, Софроновское с мельницею, Фоминское, Желетовское, Каневское, Душеное с деревнями и с бортью, Филиповское с деревнями и с бортью, Обуховскую деревню. А всѣ тѣ села даю съ серебром и с половники и с третники и с животиною. А что моя челядь в селѣх, а на них серебрецо, и не похотятъ служити, и хто куды похочет, и тем воля, отдав серебрецо; а хто рост дает, тѣм воля же»⁵⁸. Как эти свидетельства о владении движимым и недвижимым имуществом Б. М. Клосс может связать с общежительным требованием «никому же ничто же не дрѣжати отнудь: ни мало, ни много, ни своим звати, но вся обща имѣти»?

Рисуя реформаторскую, по его мнению, деятельность митрополита Алексея, Б. М. Клосс, как можно было убедиться выше, ограничился рассмотрением строительства ряда монастырей и введением в монастырях общежительства на территории некоторых центров митрополичьего диоцеза. Но заголовок главы («Монастырская реформа на Руси») обещал читателем исследование реформы в масштабах всей Руси, а не единственного диоцеза. Где же анализ о положении дел в монастырях XIV в. Коломенской, Рязанской, Ростовской, Новгородской, Тверской и других епархий? Все они остались вне поля зрения автора «Избранных трудов», о других диоцезах он просто не упоминает. Между тем, даже поверхностное ознакомление с положением монастырей в епархиях Русской митрополии заставило бы автора «Избранных трудов» задуматься о некоторых вещах и скорректировать свои заключения. Так, под 1289 г. летопись сообщает, что в Твери «выведоша игумена Андрѣя отъ святѣи Богородицы изъ общаго монастыря» и послали в Киев, где он был поставлен епископом в Тверь⁵⁹. Речь идет о тверском Отроче монастыре Успения богородицы. И этот монастырь уже к 1289 г. был общежительным («общим»). В 1972 г. Л. В. Тиганова нашла и опубликовала интересный памятник тверской письменности — Повесть о Софье Ярославне

⁵⁶Эта дата проливает свет и на достоверность свидетельства Большаковской рукописи № 20 о настоятельстве в Чудов монастыре посланного на Киржач архимандрита Герасима. Г. М. Прохоров определил время поставления Митяя (будущего кандидата на кафедру Русской митрополии) в архимандриты московского Спасского монастыря между 14 февраля и 16 апреля 1376 г. См.: Прохоров Г. М. Повесть о Митяе. С. 50 и примеч. 35. Митяя в чернецы постригал архимандрит Чудова монастыря. Им был тогда Елисей Чететка. См.: ПСРЛ. Т. XV. Вып. I. Стб. 126. Едва ли писец XVI в. Большаковской рукописи знал о том, что после пострижения Митяя Елисей Чететка был срочно заменен Герасимом, как получается при признании Герасима настоятелем Чудова монастыря в 1377 г. Скорее всего, Елисей Чететка продолжал возглавлять Чудов монастырь и в указанном году, а свидетельство поздней Большаковской рукописи недостоверно.

⁵⁷ПСРЛ. Т. XV. Вып. I. Стб. 123; Т. XVIII. С. 121.

⁵⁸АСЭИ. Т. III. М., 1964. № 28. С. 51.

⁵⁹ПСРЛ. Т. XVIII. С. 82.

Тверской⁶⁰. Софья Ярославна — сестра известного политика и полководца конца XIII — начала XIV в. тверского и владимирского великого князя Михаила Ярославича. В 1293 г. она основала первый женский монастырь в Твери⁶¹. Софьин монастырь был общежительным⁶². Таким образом, в Тверском княжестве уже в конце XIII в. существовали общежительные монастыри (чего совершенно не знал Г. П. Федотов, утверждавший, что общежитие на Руси после долгого забвения впервые было возобновлено в Троицком монастыре), и говорить о реформе 60–70-х гг. XIV в., повлекшей за собой переделку монастырских уставов с особножительных на общежительные, не приходится.

Сделанное заключение подтверждается и историей новгородских монастырей, в которых общежительные уставы стали вводиться с 1388 г., а во многих крупных новгородских монастырях, в том числе таком известном, как Антониев, общежитие было введено лишь в 1528 г.⁶³

Почти невзначай Б. М. Клосс упоминает московский Высокопетровский монастырь и лишь в скромных скобках отмечает, что это был «начальный общежительный монастырь в Москве». Столь же незаметно сообщается, что архимандрит этого монастыря Иван явился «начальником» общежития в Москве⁶⁴. Читатель остается в полном недоумении: кто же начал вводить общежитие в московских монастырях — игумен Сергей, митрополит Алексей или архимандрит Иван? Выясняется, что характеристика Ивана Высокопетровского и является тем свидетельством, «при более внимательном ознакомлении» с которым Б. М. Клоссу в начале главы пришлось забыть о Сергии Радонежском и говорить о митрополите Алексее как реформаторе монастырской жизни.

Об Иване Высокопетровском свидетельствует тот же митрополичий сводчик, что написал некролог митрополиту Алексею. Сводчик сообщил о составе делегации, которая была послана из Москвы в Константинополь в июле 1379 г. для поставления в митрополиты Митяя, любимца великого князя Дмитрия Ивановича. Во главе клириков, сопровождавших Митяя, назван «первым архимандритъ Иванъ Петровскый, се бысть пръвыи общему житию начальникъ на Москвѣ». В дальнейшем повествовании летописец называет его московским киновиархом и снова начальником «общему житию»⁶⁵. Подчеркивание это весьма важно. Оно исходит от лица, который знал биографию митрополита Алексея и был в курсе деятельности Сергия Радонежского, о котором рассказал в том же повествовании, что и о Иване Высокопетровском⁶⁶. Но только Ивана летописец считал тем первым лицом на Москве, кто установил в своем монастыре общежитие. Следует заметить, что выражение «на Москве» означает не в городе Москве, как может показаться на первый взгляд, а в Московском княжестве. Высокопетровский монастырь, ныне стоящий в центре Москвы, в XIV в. стоял вне города (кремля) и территориально относился уже к Московскому уезду. Этому важнейшему свидетельству современника о первом общежительном устройстве в московском Высокопетровском монастыре Б. М. Клосс по сути дела не придал никакого значения, поскольку думает, что реформы могут идти только сверху и никакие монастырские новации, не связанные с именами митрополита Алексея и Сергия Радонежского, на Руси в XIV в. были невозможны.

Впрочем, окончание главы поражает еще больше. «Но главной особенностью монастырской реформы, — неожиданно утверждает автор “Избранных трудов”, — являлся не собственно переход на общежительные нормы, а то, что введение общежития происходило на основе нового

⁶⁰Тиганова Л. В. Повесть о Софье Ярославне Тверской // Записки Отдела рукописей Государственной библиотеки им. В. И. Ленина. Вып. XXXIII. М., 1973. С. 253–264.

⁶¹О дате основания этого монастыря см.: Кучкин В. А. Когда было написано Житие Софьи Ярославны Тверской? // Мир житий. М., 2002. С. 113–114.

⁶²В уста монахинь Софьи монастыря вложены слова: «добро житье общее». См.: Тиганова Л. В. Повесть о Софье Ярославне Тверской. С. 263.

⁶³Бобров А. Г. Монастырские книжные центры Новгородской республики // Книжные центры Древней Руси. Севернорусские монастыри. СПб., 2001. С. 30–36.

⁶⁴Клосс Б. М. Избранные труды. Т. I. С. 45, 46.

⁶⁵ПСРЛ. Т. XV. Вып. I. Стб. 129, 130.

⁶⁶Там же. Стб. 128.

богослужебного устава»⁶⁷. Подобный поворот мысли свидетельствует лишь о том, что Б. М. Клосс совершенно не понимает значения перехода на общежительство русских монастырей, перехода пусть не одновременного, не обусловленного исключительно предписаниями сверху, но тем не менее с течением времени охватившего все монастыри на Руси. В церковной жизни и вообще в истории страны это крупное явление, суть которого впервые попытался выявить В. О. Ключевский. Но не имеющий специальной профессиональной подготовки автор «Избранных трудов» этого не видит и значения этому, несмотря на попытки казаться новатором в данном вопросе, на самом деле не придает. По его мнению, главным было введение нового богослужебного устава. «Поскольку история бытования Иерусалимского устава на Руси представляет отдельную и довольно обширную тему, в настоящей работе, — предупреждает Б. М. Клосс, — я излагаю в кратком виде только основные выводы своего исследования»⁶⁸. Из этих слов следует, что достопочтенный автор написал большое исследование об Иерусалимском церковном уставе, но, жалея время читателя, предлагает ему главные выдержки из своего труда. Однако даже малое исследование об Иерусалимском уставе показало бы Б. М. Клоссу, что этот устав касается церковной службы не только в монастырях, но и в гораздо более многочисленных соборных и приходских храмах. Иерусалимский устав вводился для всей церкви, а не для одной монашеской братии. Следование Иерусалимскому уставу не было связано с введением общежительства в монастырях.

«Основные выводы своего исследования» касаются рассмотрения трех рукописей второй половины XIV в., т. е. времени митрополита Алексея, — Синод. собрание № 329, то же собрание № 328 и собрание Синодальной типографии № 45. Б. М. Клосс доказывает русское происхождение этих рукописей тем, что «в синаксарную часть внесены русские праздники и памяти русских святых», а именно московское — записью «под 20 декабря, посвященной памяти митрополита Петра»⁶⁹. Но все это — пересказ не собственных наблюдений Б. М. Клосса, а выводов работы другого автора. В 1993 г. в парижском журнале «Символ» была напечатана статья А. М. Пентковского «Из истории литургических преобразований в русской церкви в третьей четверти XIV столетия»⁷⁰. В этой статье подробному анализу были подвергнуты свидетельства двух рукописей: Синод. № 329 и Синод. № 328, в свое время описанных А. В. Горским и К. И. Невоструевым⁷¹. Кроме того, сам А. М. Пентковский в РГАДА обнаружил рукопись Тип. № 45 и также охарактеризовал ее⁷². Оттиск статьи был подарен Б. М. Клоссу. Последний не только не сослался на давний почтенный и полезный труд А. В. Горского и К. И. Невоструева, когда указывал рукописи Синод. № 328 и Синод. № 329, но даже ценные наблюдения А. М. Пентковского обошел полным молчанием, в очередной раз занявшись плагиатом и приписав себе и обнаружение новой рукописи Тип. № 45, и сделанные А. М. Пентковским важные и тщательно аргументированные заключения.

«Обширное» же исследование самим Б. М. Клоссом Иерусалимского устава, видимо, обошлось без анализа греческого списка этого устава, переписанного в Твери в 1317 г.⁷³ А это время митрополита Петра, а не митрополита Алексея, с именем которого Б. М. Клосс связывает введение Иерусалимского устава.

⁶⁷Клосс Б. М. Избранные труды. Т. I. С. 46.

⁶⁸Там же. С. 47. Примеч. 39.

⁶⁹Там же. С. 46–47.

⁷⁰Пентковский А. М. Из истории литургических преобразований в русской церкви в третьей четверти XIV столетия (Литургические труды святителя Алексея, митрополита Киевского и всея Руси) // Символ. № 29. 1993. С. 217–238.

⁷¹Горский А. В., Невоструев К. И. Описание славянских рукописей московской Синодальной библиотеки. Отдел третий. Книги богослужебные. Ч. I. М., 1869. С. 276–288.

⁷²Пентковский А. М. Из истории литургических преобразований в русской церкви в третьей четверти XIV столетия. С. 224.

⁷³Красносельцев Н. Сведения о некоторых литургических рукописях Ватиканской библиотеки, с замечаниями о составе и особенностях богослужебных чинопоследований, в них содержащихся, и с приложениями. Казань, 1885. № 2. С. 18–23; Vogel M. und Gardhausen V. Die griechischen Schreiber des Mittelalters und der Renaissance. Leipzig, 1909. S. 329; Пентковский А. М. Из истории литургических преобразований в русской церкви в третьей четверти XIV столетия. С. 220.

Заканчивается вторая глава «Избранных трудов» обильными выписками из рукописи Пандектов Никона Черногорца, написанной в 1381 г. в серпуховском Высоцком монастыре под руководством, как думает Б. М. Клосс, игумена этого монастыря известного Афанасия Высоцкого. Однако выписки о монашеской жизни из сочинений церковных авторитетов далеко не всегда относятся именно к общежительным монастырям. Требования монашеского смирения, почитания игумена, послушания ему, скромного поведения при встречах с мирянами, настрой на молитву и т. п. имели отношение не только к монахам киновийных монастырей, но и к монахам вообще. Б. М. Клосс же считает, что набор выписок заменяет их анализ, и, говоря о киновийных монастырях, соединяет в одно целое все, что ему кажется интересным в писаниях ранних христианских авторов о монахах. «Око церковное», написанное, как признает большинство исследователей, тем же Афанасием Высоцким и содержащее особую редакцию Иерусалимского устава, в которой есть главы об общем житии в монастырях, для сопоставлений не привлекается и более того — совершенно не упоминается. Объективное исследование подменяется то удачным, то малоудачным, то просто неудачным, а иногда даже и неуместным цитированием источника.

(Продолжение в следующем номере журнала)